

Ощущение удушья было похоже на оргазм. Чу Юй слабо пытался оторвать руку от своей шеи, но на грани потери сознания Сун Цзиньчэнь отпустил его.

Чу Юй, избежав опасности, почувствовал сожаление. Возвращение кислорода резко прояснило его мысли:

— Говори.

Два пальца постучали по его левому ребру, где кожа была мягкой, поглощая звук.

— Некоторые вещи так же ценны, как и твои.

— Мне не нужна благодарность, не нужна покорность. Мне нужно то, что внутри.

После долгого молчания и противостояния вдруг раздался звук сжатия тела, вырвавшийся из-под пальцев, лежащих на рёбрах.

Сун Цзиньчэнь отстранился, и в комнату хлынул холодный воздух кондиционера.

— Я разогрею тебе кашу. За это время ты можешь подумать, что хочешь мне сказать.

Чу Юй, накинув халат, сидел за барной стойкой и курил. Длинные рукава свисали за спиной, он закатал их и завязал на груди. Его чёрные глаза сквозь дым следили за мужчиной, который, обнажённый по пояс, готовил кашу.

Дешёвая розовая зажигалка из пластика щёлкала раз за разом, пока пламя не расплавилло курок, превратив его в чёрную массу.

Длинный пепел долго висел, пока не упал на бедро, рассыпавшись на полу. Чу Юй спрыгнул с высокого стула.

Сун Цзиньчэнь помешивал кашу в кастрюле, его слегка вьющиеся волосы спадали на лоб, придавая ему более мягкий вид, чем днём. Внезапно Чу Юй прижался к нему сзади — он действительно вырос, раньше его глаза были на уровне плеч Сун Цзиньчэня, а теперь он мог положить подбородок на его плечо.

— Что такое? А? — Сун Цзиньчэнь слегка повернул голову.

Чу Юй перевернул лицо, глубоко затянулся и сказал:

— Давно не видел, как ты куришь. Бросил?

— Угу, — Сун Цзиньчэнь, похоже, наливал кашу. Чу Юй не смотрел, но чувствовал движение его рук. — Старею, надо беречь здоровье.

Закончив, Сун Цзиньчэнь слегка оттолкнул его спиной, взял миску и поставил на барную стойку.

— Ешь, осторожно, горячо.

Чу Юй собирался затушить окурок, но Сун Цзиньчэнь взял его и, как ни в чём не бывало, закурил, выпуская дым через нос.

— Ты же бросил? — Чу Юй размешивал кашу, черпая немного с края, где она остыла.

— Хотел поцеловать тебя, но ты, похоже, занят, — мужчина прищурился и бросил окурок в блюдце с водой.

Чу Юй замер, его лицо покраснело. Он считал себя опытным в любви, но перед этим человеком чувствовал себя невинной девушкой. Если бы Сун Цзиньчэнь просто начал приставать, было бы проще, но эти сладкие слова, словно заменяющие поцелуй, заставляли его чувствовать себя так, будто он достиг оргазма.

Однако тот, кто вёл себя как наглец, спокойно отошёл, взял бутылку вина и не спеша открыл её. Он так наслаждался ночью, будто остался здесь только ради того, чтобы составить Чу Юю компанию за ужином.

Чу Юй сжал ноги, чувствуя, как между ними становится влажно. Он опустил голову и продолжил есть, чувствуя себя легкомысленным.

В древности траур длился три года.

Его эмоции были разрозненны. Пустота, горечь, стыд, возбуждение. Все эти чувства разных цветов смешивались перед его глазами, создавая пёструю картину.

Он был настолько терпелив, что для других он просто выглядел задумчивым.

Рука Сун Цзиньчэня мелькнула перед его лицом:

— Чу Юй?

Но Чу Юй словно оказался в стеклянной колбе, слыша лишь отдалённые звуки, но не понимая их смысла.

Первый раз он увидел мёртвого человека, когда умерла его бабушка.

Ему было восемь или девять лет, Чу Хуань уже ходил в школу.

Чу Цзюньхун вернулся домой пьяный и сразу заснул. Чу Юй сидел на крыльце, обняв брата и ковыряя кровяную корку на колене.

— Сяо Хуань, останься здесь. Я загляну внутрь, посмотрю и вернусь.

Чу Юй заглянул внутрь: бабушка была мертва, отец спал. Он вышел, посидел с братом, пока корка на колене снова не затянулась, и снова заглянул внутрь: бабушка всё ещё была мертва, отец не просыпался.

Когда луна начала таять в светлеющем небе, Чу Юя разбудил пронзительный крик из дома.

— Чу Юй? — Сун Цзиньчэнь легонько толкнул его пальцем по лбу.

Чу Юй вздрогнул, словно от сна, и через мгновение тихо произнёс:

— Ты видел мёртвого человека?

Сун Цзиньчэнь покачал бокалом, обдумывая ответ.

Десять лет назад его выгнали из компании «Игэ-Капитал», и он переехал на юг, где основал «Призму». Всего за три года он поглотил свою бывшую компанию, используя грязные методы, о которых знали не только он.

Мёртвые — это просто тела. Он видел немало врагов, в основном на похоронах. Он приносил цветы, проливал слёзы, а если жена покойного была молодой и красивой, утешал её в постели.

Он кивнул:

— Видел.

Чу Юй вздохнул с облегчением, смешанным с грустью, будто выбросил шесть очков в настольной игре, и спросил:

— А видел, как кремируют?

Сун Цзиньчэнь приложил бокал к губам, покачал головой и сделал глоток.

— Когда человека сжигают, кости становятся белыми, белее, чем штукатурка. Это не пепел, а

осколки. Некоторые слишком большие, и мастер разбивает их лопаткой, чтобы поместить в урну.

На лице Чу Юя не было эмоций, оно было гладким, как лист бумаги, готовым разорваться от малейшего прикосновения.

Он опустил веки, ресницы отбрасывали тени, похожие на капли воска:

— Почему я не чувствую радости?

Сун Цзиньчэнь подошёл, отодвинул миску и, облокотившись на стойку, положил руку на голову мальчика. Чу Юй вздохнул, закрыл глаза, и две слезы упали на лицо, прежде чем он прижался к животу мужчины.

Эту обычную историю было нетрудно понять. Сун Цзиньчэнь, не найдя Чу Юя, позвонил в школу Чу Хуаня. Тот поступил благодаря его связям, и его автоматически считали одним из родителей, так что он быстро узнал всю историю.

Раскрыть прошлое Чу Юя было несложно, даже не нужно было проверять. Уродство, красота, брат примерно того же возраста, потеря матери в детстве, постоянные раны, нехватка денег — до такой степени, что он продавал себя, хотя не был расточительным или ленивым.

Он был птенцом, вытолкнутым из гнезда, ещё не успевшим расправить крылья, но уже пытающимся выжить. Это гнездо было старым и не могло защитить от дождя, но всё же было домом.

Смерть матери разрушила этот дом, и теперь он полностью исчез. С этого момента он стал настоящим сиротой.

Сун Цзиньчэнь знал всё, что хотел, и даже то, что не хотел. Но ему больше хотелось услышать, как Чу Юй расскажет, как он мучительно рос, показывая свои шрамы, и поймёт, что только первый, кто его взял, будет добр к нему.

И всё же. Сун Цзиньчэнь погладил колючие волосы Чу Юя, чувствуя, как его сердце смягчается.

— Потому что ты всё ещё надеешься, — он сделал паузу, эти слова были жестокими, и их нельзя было смягчить. — Признай, они просто не любили тебя. Никто не обязан любить, даже родные.

Слёзы хлынули из глаз Чу Юя, в горле слышались подавленные рыдания.

— Плачь, можешь плакать, — Сун Цзиньчэнь похлопал его по спине. — Можешь даже кататься

по полу и рыдать, здесь только мы двое.

Чу Юй всхлипнул несколько раз, затем перестал, сглотнул и произнёс настоящую причину своей боли.

— Он искал меня.

— Он просил меня спасти его, но я не взял трубку.

— Я знаю, что он не упал, его бросили в реку.

<http://bllate.org/book/15448/1370478>